

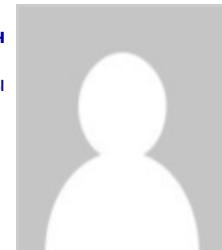
Международные отношения*Правильная ссылка на статью:*

Ли В.Н. Стратегическое партнерство России и Китая в военно-морской сфере // Международные отношения. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.3.71262 EDN: ZYFHFA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71262

Стратегическое партнерство России и Китая в военно-морской сфере**Ли Валерий Николаевич**

аспирант; кафедра "Теория и история международных отношений"; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, ауд. 302

✉ valeriy_li_ir@mail.ru

[Статья из рубрики "МИРОВАЯ ПОЛИТИКА"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2024.3.71262

EDN:

ZYFHFA

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2024

Дата публикации:

21-07-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей стратегического партнерства России и Китая в военно-морской области. Цель предлагаемого исследования заключается в определении роли сотрудничества РФ и КНР в военно-морской области для стратегического партнерства двух стран на мировой арене. Задачами данной работы выступает рассмотрение динамики взаимодействия России и Китая в военно-морской сфере и оценка преимущества от сотрудничества в данной сфере на стратегическом и оперативном уровнях. Стратегическое партнерство России и Китая имеет комплексный характер и сложившиеся исторические и международно-политические предпосылки. Показательной сферой партнерства двух стран выступает тесное сотрудничество в военно-политической области, поскольку оно требует высокого уровня доверия и близости подходов по ключевым проблемам международных отношений. Теоретико-

методологическая основа исследования опирается на теорию структурного реализма и теорию транзита власти, которые позволяют изучать влияние российско-китайского военно-морского сотрудничества как производную повышения роли стран «Коллективного Незапада» в глобальном управлении на процесс структуризации как региональных подсистем, так и глобальной системы международных отношений. Исследователь приходит к выводу, что после Второй мировой войны СССР оказал значительное содействие в создании военно-морских сил Китая как рода войск. После возобновления сотрудничества с Китаем в новых условиях военно-морское сотрудничество с Китаем углубилось как в сфере передачи технологий, так и применении их на практике. Современные военно-морские учения становятся более комплексными и включающими не только отработку типовых для ВМС ситуаций, но и совместные командно-штабные учения, что позволяет сторонам делиться тактическими приемами при моделировании и отработке сценариев боевых ситуаций. В целом, достигнутый уровень взаимодействия в военно-морской сфере служит укреплению международной стабильности, поскольку служит балансиром для американской стратегии сдерживания Китая и России.

Ключевые слова:

россия, китай, стратегическое партнерство, военно-морские учения, военно-морские силы, российско-китайские отношения, военное сотрудничество, сша, международная безопасность, региональная безопасность

Россия и Китай создали новую модель отношений между странами с различными социально-экономическими системами. Она закреплена в российско-китайских официальных документах, включая Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. Российско-китайские отношения являются важнейшим фактором мира и стабильности в Азии и в мире в целом. Между двумя странами установилась атмосфера подлинного доверия и взаимопонимания, настоящее стратегическое партнерство, не направленное против какой-либо третьей стороны и способное стать образцом межгосударственных отношений двух крупных соседних держав в XXI в.

Стратегическое партнерство России и Китая имеет комплексный характер и сложившиеся исторические и международно-политические предпосылки. Показательной сферой партнерства двух стран выступает тесное сотрудничество в военно-политической области, поскольку оно требует высокого уровня доверия и близости подходов по ключевым проблемам международных отношений. Военно-политическое сотрудничество между Россией и Китаем носит системный характер и развивается по трем основным направлениям. Во-первых, это согласование политики держав в мировом масштабе и применительно к основным аспектам междержавной конкуренции, которая проявляется в создании США антикитайских альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе, поддержке антироссийского режима на Украине, санкционный войнах, расширении НАТО и др. Во-вторых, запущен процесс сближения и открытости России и Китая в сфере военных технологий и поддержке укрепления военного потенциала двух стран. В-третьих, происходит улучшение оперативной совместимости вооруженных сил, что позволяет ВС РФ и Китая действовать по единым стандартам и обмениваться лучшими практиками.

В качестве важного инструмента военно-политического сотрудничества выступает взаимодействие в военно-морской сфере. Целью предлагаемой статьи выступает выявление роли сотрудничества РФ и КНР в военно-морской области для

стратегического партнерства двух стран на мировой арене. В данной статье автор проанализирует динамику взаимодействия России и Китая в военно-морской сфере, а также оценит преимущества от сотрудничества в данной сфере на стратегическом и оперативном уровнях.

История развития технического сотрудничества России и Китая в военно-морской сфере

С 1950 по 1959 год советская помощь коммунистическому Китаю сыграла важную роль в создании военно-морского флота путем передачи технологий и подготовки кадров. Ветеран Дальнего похода и ключевая фигура, политический комиссар Лю Хуацин изучал военно-морскую теорию и командование в Военно-морской академии имени Ворошилова (1954-1958), ныне переименованной в "Адмирал Кузнецов". Народно-освободительная армия Китая получила свои первые подводные лодки и вскоре начала собственное производство в Шанхае. На предприятиях и в институтах, расположенных в Ленинграде, Пекин приобрел ноу-хау для производства своих первых торпед. Советский Союз предоставил несколько торпед SAET-50M с пассивным самонаведением, прежде чем прекратил поддержку. Морские орудия были копиями российских образцов [1]. Пекин получил множество чертежей самолетов, включая бомбардировщик Туполева Ту-16, который стал "Сиань Хун-6" как в военно-воздушных, так и в военно-морских силах. В 1959 г. главнокомандующий военно-морскими силами Народно-освободительной армии Китая (НОАК) воздал должное советской помощи: "... в то время как наша промышленность, наша наука и наши технологии были все еще относительно отсталыми, советское правительство, ЦК КПСС и советский народ оказывали нам бескорыстную поддержку..." [2]. Однако этот союз был приостановлен после развенчания культа личности И.В. Сталина и взаимных обвинений СССР и Китая в отходе от идеологически верного курса в своей государственной и партийной политике.

Советско-китайский раскол нанес серьезный удар по усилиям по модернизации, особенно военно-морского флота Китая. Согласно "Жэньминь Жибао", "СССР внезапно и в одностороннем порядке приняли решение отзывать всех своих специалистов и расторгнуть 343 контракта... и 257 других проектов научно-технического сотрудничества. Затем они приостановили важнейшие поставки оборудования и запасных частей" [3]. Китай потерял доступ к ленинградским военно-морским научно-исследовательским институтам и был вынужден разрабатывать собственные исследовательские центры, специализированные станки и инструменты. Вскоре отчеты американской разведки показали, что производство и эксплуатационная готовность верфей были серьезно снижены. Но, несмотря ни на что, включая разрушительную культурную революцию, Китай завершил программы, для которых он получил советские комплекты до разрыва отношений: среди них стратегическая испытательная подводная лодка проекта 629 (Golf), спущенная на воду в 1964 году, и противокорабельные ракеты Р-15 "Термит" (Styx), предназначенные для китайских версий советского "Комара" и катера типа Оса (HY-1), а позднее эсминцы и фрегаты (HY-1j), основанные на советских проектах типа "Котлин" и "Рига" [4].

Отношения в данной сфере были возобновлены только после нормализации советско-китайских отношений в 1989 году. Однако у сближения двух стран были предпосылки глобального характера. После заката bipolarной системы наступил уникальный период в современной мировой истории, который можно охарактеризовать как эпоху относительного исторического оптимизма и идеализма, получившего с легкой руки Ч. Краутхаммера наименование «момент однополярности» [5]. Главной чертой этой эпохи

стало восприятие США себя в качестве гегемона и проведение ими агрессивной внешней политики под предлогом защиты демократических ценностей и борьбы с авторитарными режимами. При проведение этой политике большую роль играла военная сила.

Война в Персидском заливе (1990-1991 гг.) продемонстрировала военное бессилие Ирака перед лицом превосходящих американских технологий. Китайская армия также, как и иракская была создана по образцу советской, поэтому поражение Ирака в данной войне подтолкнуло военно-политическое руководство начать модернизацию своих ВС [\[6\]](#). В условиях чрезвычайной ситуации Пекин пересмотрел свою стратегическую доктрину, перейдя от концепции "победы в локальных войнах в обычных условиях" к концепции "победы в локальных войнах в условиях высоких технологий". Лю Хуацин, заместитель председателя Центрального военного совета после своего пребывания на посту главнокомандующего военно-морским флотом (1982-1987 гг.), выступал за закупку иностранного оружия в качестве промежуточного шага для преодоления технологического разрыва. Соответственно, в 1995 г. Лю Хуацин начал успешную реформу военной промышленности, направленную на создание промышленных мощностей, необходимых для производства современного вооружения без посторонней помощи [\[7\]](#).

Базисом для российско-китайских отношений в XXI в. стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года [\[8\]](#). Данный договор ознаменовал новый статус в российско-китайских отношениях, которые теперь стали отношениями всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Это означало, что страны координируют собственную внешнюю политику в глобальных и региональных организациях, борются с общими вызовами и угрозами и имеют общее видение устройства международной системы.

В новой международно-политической реальности возобновление военно-морских отношений с Москвой стало взаимовыгодным. Благодаря экспорту военно-технической продукции в Китай Россия поддерживала свой военно-промышленный сектор, в то время как Народно-освободительная армия Китая быстро модернизировала свои вооруженные силы за счет закупок готового оборудования. После Тайваньского кризиса (1996 г.), когда Соединенные Штаты развернули два авианосца, Пекин купил у Москвы двенадцать подводных лодок проекта 877/636 (Kilo) и четыре эсминца проекта 956 ("Современный"). Восемь из этих подводных лодок были оснащены противокорабельными крылатыми ракетами с дальностью действия 120 морских миль, в то время как четыре эсминца были оснащены ракетами ЗМ-80МЕ (120 км) и ЗМ-80МВЕ (140 км) "Москит". Данное вооружение служит мощным средством противодействия для авиационных групп с авианосцев ВМС США, приближающихся к китайским берегам. Для противовоздушной обороны Пекин приобрел две военно-морские зенитные системы С-300Ф, предназначенные для двух китайских эсминцев проекта 051С, дислоцированных в Желтом море. Для своей военно-морской авиации Пекин приобрел 26 вертолетов Ка-31, в том числе 14 противолодочных вертолетов Ка-28, 3 поисково-спасательных Ка-28 и 9 вертолетов раннего предупреждения Ка-31 [\[9\]](#).

Этот импорт позволил Китаю получить лицензии на ключевые единицы ВВТ, осуществлять реинжиниринг и освоение ключевых технологий, а также производить на местном уровне большинство основных узлов и систем, которыми до настоящего времени оснащаются военно-морские силы Китая.

Если говорить об адаптации российской военно-морских ВВТ китайским ВПК, то стоит выделить наиболее примечательные примеры. В области противолодочных крылатых ракет корабельного базирования Пекин разработал 290-километровую крылатую ракету Ying Ji-18 (YJ-18), основанную на российской крылатой ракете 3M-54К/КЕ комплекса «Калибр»/«Club», с дозвуковым маршевым режимом и сверхзвуковой конечной фазой атаки (3 Mach). Российская ракета Х-31 стала образцом для Ying Ji-91 – бортовой сверхзвуковой противокорабельной ракетой, которую несут истребители-бомбардировщики морской авиации [\[10\]](#).

Россия оказала значительное содействие и в разработке ВВТ для военно-морских сил Китая. В частности, российская компания "Алмаз-Антей" совместно с Шанхайской академией технологий космических полетов (SAST) разработали комплекс ПРО Hong Qi-16B (HQ-16B), основанный на ракете класса «земля-воздух» Бук-М1-2. Данный комплекс входит в состав зенитного вооружения фрегатов проекта 054А и эсминцев проекта 051С [\[11\]](#).

С поставкой подводных лодок Kilo Китай приобретал все более совершенные российские торпеды (самонаводящиеся в кильватерном поле 53-65KE, ТЭСТ-71М). Устройство самонаведения из российских образцов китайские инженеры внедрили в собственную торпеду Yu-6. Также Китай приобрел легкую торпеду APR-3E, которую он адаптировал для национальной противолодочной ракеты.

Таким образом, возобновление отношений с Москвой в области вооружений помогло Пекину осуществить технологическую революцию, задуманную Лю Хуацином, и значительно повысить военный и промышленный потенциал КНР. Китайские инженеры не просто дублировали импортное оборудование; они перепроектировали его, чтобы понять, как оно работает, адаптировать к требованиям Китая, а иногда внедряли инновации и улучшали его производительность. В результате после 2007 г. продажи российского оружия Китаю замедлились, и теперь китайская промышленность сама производит большинство систем [\[12\]](#).

Однако кроме военно-технического сотрудничества в военно-морской сфере, Россия и Китай тесно взаимодействовали в военно-политической области. В частности, страны активно участвовали в военно-морских учениях. С 2005 г. Китай и Россия объединили усилия для проведения крупных китайско-российских учений "Мирная миссия". В 2018 г. Москва впервые пригласила Пекин на масштабные учения "Восток", которые проводились еще во времена СССР и были направлены на проверку готовности частей и соединений советской армии к военным действиям с Китаем (наиболее вероятным противником Дальневосточного театра военных действий). Таким образом, приглашение Китая в данные учения кардинально изменило их концепцию и подчеркнуло значимость китайско-российского стратегического партнерства [\[13\]](#).

Военно-морские учения двух стран начались в апреле 2012 года недалеко от Циндао. С тех пор эти китайско-российские игры проводятся ежегодно: в июле 2013 года (у берегов Владивостока), в мае 2014 года (в устье реки Янцзы), в мае 2015 года (в Средиземном море), в августе 2015 года (у берегов Владивостока), в сентябре 2016 года (у берегов Чжаньцзяна), в июле–Сентябре 2017 года (в Балтийском и Охотском морях), а также в апреле–мае 2018 и 2019 годов (у берегов Циндао) [\[14\]](#).

Стратегический уровень российско-китайского взаимодействия в военно-морской сфере

Главная особенность стратегического уровня при проведении военно-морских учений заключается в демонстрации тесной кооперации между двумя странами, повышение имиджа собственного военного потенциала и акцентирование внимания, что данный потенциал не несет угрозу третьим странам, а направлен на укрепление международной стабильности. Китай и Россия использовали военно-морские учения, чтобы продемонстрировать свою готовность к сотрудничеству в важных стратегических и политических областях. Двусторонние китайско-российские военно-морские учения начались в апреле 2012 года недалеко от Циндао, спустя 1 год после того, как 10 западных и 19 арабских стран вторглись в Ливию для свержения режима М. Каддафи. В сентябре 2013 г., в соответствии с решением Организации по запрещению химического оружия, военно-морские силы России и Китая приняли участие в ликвидации сирийского химического оружия в соответствии с резолюцией 2181 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций [\[15\]](#). Китайский фрегат "Яньчэн" присоединился к датским, норвежским и российским кораблям, которым было поручено доставить это оружие из Сирии на американский корабль для его окончательного уничтожения. В мае 2015 года военно-морские силы двух стран провели свои ежегодные военно-морские учения в Средиземном море, продемонстрировав неожиданный китайско-российский корабль-партнер по сирийскому вопросу [\[16\]](#).

В сентябре 2016 года учения двух стран прошли в северной части Южно-Китайского моря недалеко от острова Хайнань, подтвердив солидарность России с Китаем после вынесенного в июле 2016 г. международным трибуналом в Гааге решения в пользу Филиппин вопреки доводам Китая. Хотя Россия не признает притязания Пекина на Южно-Китайское море, но выражает полную солидарность с позицией Китая, что конфликт в ЮКМ не должен быть интернационализирован.

В ноябре и декабре 2019 г. Китай и Россия повысили политические ставки в своем сотрудничестве, впервые проведя трехсторонние военно-морские учения с ЮАР на мысе Доброй Надежды и с Ираном в Аравийском море. Совместные учения с Южной Африкой позволили двум партнерам поработать с военно-морским флотом, соответствующим стандартам НАТО. Учения с участием Ирана последовали за нападением на саудовское нефтяное месторождение и напряженными отношениями между Тегераном, Вашингтоном и Лондоном по поводу свободы судоходства. Позиция Москвы и Пекина явственно показало, что Китай и Россия единогласно выступают против антагонистической политики Вашингтона, подразумевающей борьбу со странами-изгоями, и предполагает, что они могут выступить против силового нападения на Иран, заявляя при этом, что безопасность в Персидском заливе гарантирована [\[17\]](#).

Также стоит отметить, что в стратегическом плане Россия обязалась помочь Китаю в приобретении технологии для создания передовых систем предупреждения о пусках баллистических ракет, что позволит создать систему ПРО. Кроме того, Китай обратился к России с просьбой о возможности развертывания подводных лодок в Арктике [\[18\]](#). Учитывая, что Китай работает над технологиями, позволяющими подводным лодкам преодолевать толщу льда [\[19\]](#), высока вероятность того, что стратегическое партнерство Китая и России в военно-морской сфере распространится на Арктику, что имеет стратегические последствия в виде координации усилий двух стран по сдерживанию Соединенных Штатов.

Оперативный уровень российско-китайского взаимодействия в военно-морской сфере

Главная особенность оперативного уровня при проведении военно-морских учений заключается в проведении маневров, применении вооружений и решении задач в условиях максимально приближенных к боевым. С Россией Китай участвует в большем количестве тренировок и соревнований, связанных с ведением боевых действий, чем с какой-либо другой страной. Эта особенность не удивительна, учитывая, что западные страны неохотно делятся своим тактическим опытом с НОАК. С момента своего начала в 2012 г. китайско-российские совместные морские учения были сосредоточены на боевых действиях и боевой поддержке. Двусторонние учения под названием «Joint Sea» были проведены двумя странами более десяти раз и стали "образцовыми" военными учениями между Китаем и Россией. В ходе них отрабатывался широкий круг тем: борьба с терроризмом, сопровождение военно-морских судов, поиск и спасение, противовоздушная оборона, противокорабельные и противолодочные действия, спасение подводных лодок и боевая подготовка. Кроме того, данные учения подразумевали совместное командование (т.е. участвовал средний офицерский состав) и привлекалось большое количество личного состава в течение длительного промежутка времени [\[20\]](#).

Учения, которые стороны провели в апреле 2012 г. вблизи Циндао, включали в себя комбинированную противовоздушную оборону, пополнение морской пехоты, комбинированную противолодочную оборону, комбинированный поисково-спасательный процесс и спасение захваченного судна, а также боевые стрельбы класса "земля-земля" и "земля-воздух", а также противолодочную оборону. В нем участвовало госпитальное судно "Ковчег мира", посетившее Владивосток и проводившее учения в заливе Петра Великого в Японском море.

В учениях 2013 года в Японском море приняли участие 18 судов с обеих сторон, выполнивших аналогичные действия. В рамках этого плана были задействованы четыре эсминца, два фрегата, один корабль комплексного пополнения, три вертолета и одно подразделение специальных операций, что стало крупнейшим зарубежным развертыванием ВМС Китая для проведения учений с участием иностранного государства.

В 2014 г. страны провели совместную проверку и идентификацию для использования в объявленной Китаем зоне опознавания ПВО в Восточно-Китайском море, а также отработали боевые учения без заранее спланированного сценария, что стало первым совместным учением для любой службы НОАК [\[21\]](#). Кроме того, впервые корабли обоих флотов действовали в совместных формированиях против общего противника, обмениваясь тактическими данными своих боевых систем. В 2016 г. в ходе учений в Южно-Китайском море были проведены противолодочные учения и высадка 90 российских и 160 китайских морских пехотинцев. Военно-морские силы двух стран в очередной раз обменялись тактическими данными по противолодочной и противовоздушной обороне. В ходе учений в Балтийском, Японском и Охотском морях в 2017 г. основное внимание уделялось спасению подводных лодок, противовоздушной обороне и противолодочным операциям.

В 2019 г. военно-морские силы двух стран впервые осуществили взаимное подводное спасение экипажей подводных лодок и совместное противолодочное патрулирование с воздуха. В учениях приняли участие две подводные лодки проекта 636 российского производства "Кило". Военно-морские силы двух стран также провели операцию по спасению захваченного судна на причале Циндао Даган [\[22\]](#). В ходе учений 2021 г. Чжан Цзюньшэ, бывший военно-морской атташе Китая в Вашингтоне, подчеркнул уровень доверия, достигнутый обеими сторонами: "Сценарии и вооружение, задействованные в

этих учениях, отражают высокий уровень стратегического взаимного доверия между Китаем и Россией. Военно-морские силы двух стран продолжают углублять взаимопонимание. [Как следствие] регион стал безопасным и стабильным". Темой учений 2021 г. было «поддержание безопасности стратегических морских каналов». Чжан Цзюньшэ считает, что это свидетельствует о том, что характер военно-морских учений Китая и России "носит оборонительный характер", основной целью которых является повышение возможностей военно-морских сил Китая и России совместно реагировать на угрозы безопасности на море и поддерживать региональный мир и стабильность [\[23\]](#).

Китай продолжил проводить военно-морские учения после начала СВО. Так в декабре 2022 г. учения «Joint Sea - 2022» прошли в Восточно-Китайском море, за территориальную принадлежность части акватории которого спорят Китай и Япония. Учения включали в себя совместные ракетные и артиллерийские стрельбы по воздушным целям, артиллерийские стрельбы по морским целям и совместные противолодочные операции с практическим применением оружия [\[24\]](#).

Это факт, что китайско-российские военно-морские учения являются гораздо более сложными, чем просто «Passing exercise» (маневры между проходящими мимо кораблями). Их сложность подразумевает, что два флота используют общую тактику и процедуры, чему в данном конкретном случае способствуют общие датчики, боевые системы и системы передачи данных. Китайские эсминцы и фрегаты используют общие или очень похожие датчики, такие как трехмерные радары MR 710 (Тип 382 в китайской терминологии) и загоризонтные датчики наведения на цель MR-331 Mineral-ME (Тип 366 в китайской терминологии) на российских платформах [\[25\]](#). Используя преимущества особого распространения волн в слоях атмосферы, последний обеспечивает дальность обнаружения для противокорабельных средств, которой нет в западных военно-морских силах. Эта общность и тактическая секретность предполагают сценарии, при которых китайско-российский флот мог бы сдерживать военно-морские силы западных стран большей дальностью действия своих сверхзвуковых противокорабельных ракет и дальностью обнаружения ракет с помощью радара Mineral-ME. Общие системы также способствуют противовоздушной обороне, как стратегической на суше, так и тактической на море.

Подводя итог анализу роли сотрудничества РФ и КНР в военно-морской области для стратегического партнерства двух стран на мировой арене, стоит отметить, что история его развития находится в тесной связке с мирополитическими тенденциями. После Второй мировой войны и до начала идеологических различий СССР оказал значительное содействие в создании военно-морских сил Китая как рода войск. После возобновления сотрудничества с Китаем в новых условиях военно-морское сотрудничество с Китаем углубилось как в сфере передачи технологий, так и применении их на практике.

Военно-морские учения стали активно проводиться с 2012 года. С тех пор они стали все более комплексными и включающими не только отработку типовых для ВМС ситуаций, но и совместные командно-штабные учения, что позволяет сторонам делиться тактическими приемами при моделировании и отработке сценариев боевых ситуаций. При этом проведение данных учений не регламентируется никаким специальным документом, который бы официально оформлял военно-морское сотрудничество. Соответственно можно утверждать, что данный уровень сотрудничества определяется границами стратегического партнерства.

Москва и Пекин развивают общий военный потенциал не против определенной третьей

стороны, а для политического и стратегического сдерживания негативные тенденции в международной системе, которые могут возникнуть из-за недвусмысленной антироссийской/антикитайской позиции Соединенных Штатов. Китайско-российское военное и военно-морское партнерство направлено на демонстрацию собственной уверенности перед лицом США, для которых развитие ВМС было и остается конкурентным преимуществом. В настоящий момент это имеет большую актуальность, поскольку США активно используют ВМС для демонстрации своего несогласия с принадлежностью ряда акваторий России и Китаю в заливе Петра Великого и ЮКМ, ВКМ соответственно. Можно предположить, что в будущем китайско-российское партнерство может быть направлено на предотвращение вмешательства стран «Коллективного Запада», которое Москва и Пекин сочтут дестабилизирующим.

Библиография

1. Bond, L., Carlson, C. & Grining, P. Ships and Aircraft of the People's Republic of China, 1955–2021. NY: Admiralty Trilogy Group. 2021. 365 p.
2. Lewis, J. W., Xue, L. China's strategic Seapower. The politics of force modernization in the nuclear age. Stanford: Stanford University Press. 1994. 412 p.
3. Mao, Z., Yudin, P. Minutes of Conversation, Mao Zedong and Ambassador Yudin // Wilson Center. July 22, 1958. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/minutes-conversation-mao-zedong-and-ambassador-yudin> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Swanson, B. Eighth voyage of the dragon: a history of China's quest for seapower. Maryland: Naval Institute Press. 1982. 351 p.
5. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70, No. 1. P. 23-33.
6. China's Desert Storm Education // US Naval Institute. March 2021. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/march/chinas-desert-storm-education> (дата обращения: 01.04.2024).
7. Cheng, D. Chinese lessons from the Gulf War in Chinese lessons from other peoples' wars, ed. By A. Scobell, D. Lai, & R. Kamphausen. Pennsylvania: US Army War College Strategic Studies Institute. 2011. P. 155-200.
8. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 01.04.2024).
9. Pillsbury, M. China debates the future security environment. Washington: National Defense University. 2000. 420 p.
10. Sheldon-Duplaix, A. Russia-China Naval Partnership and Its Significance in: Russia-China Relations. Global Power Shift ed. by Kirchberger, S., Sinjen, S., Wörmer, N. Cham: Springer. 2022. P. 101-121.
11. Kirchberger, S., Wörmer, N, Sinjen, S. Russia-China Relations: Emerging Alliance or Eternal Rivals?. L: Springer Nature. 2022. 325 p.
12. Gallois, S., Sheldon-Duplaix, A. Flottes de combat 2022 - combat fleets of the world. Éditions maritimes & d'outre-mer, Ouest France. 2022. 1496 p.
13. Фельгенгауэр П. «Китайская угроза»: военно-технический аспект // Отечественные записки. № 3 (42) 2008. URL: <https://strana-oz.ru/2008/3/kitayskaya-ugroza-voenno-tehnicheskiy-aspekt> (дата обращения: 01.04.2024).
14. 常拉堂, 刘達. 中俄两国海军合作70年的历史回顾与思考 [Чанг Латанг, Лю Куй. Исторический обзор и размышления о 70-летнем сотрудничестве военно-морских сил Китая и России] // 俄罗斯东欧和中亚研究 [Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии]. 2019. Vol. 4 (9). P. 49-75.
15. Resolution 2181 (2014) / adopted by the Security Council at its 7280th meeting, on 21

- October 2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/781449?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 01.04.2024).
16. Chinese warship in Cyprus to aid Syrian chemical weapons removal // South China Morning Post. 2014, January 4. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1397418/chinese-warship-cyprus-aid-syrian-chemical-weapons-removal> (дата обращения: 01.04.2024).
17. Song, Z. China, Russia, Iran military drills in Gulf enhance regional security, against external interference // Global Times. 2021, August 24. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202108/1232304.shtml> (дата обращения: 01.04.2024).
18. Goldstein, L.J. Chinese nuclear armed submarines in Russian Arctic ports? It could happen // National Interest. 2019, June 1. URL: <https://nationalinterest.org/feature/chinese-nuclear-armed-submarines-russian-arctic-ports-it-could-happen-60302> (дата обращения: 01.04.2024).
19. Lajeunesse, A., Choi, T. Chinese Submarines Under Ice? // US Naval Institute. May 2022. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2022/may/chinese-submarines-under-ice> (дата обращения: 01.04.2024).
20. How Deep Are China-Russia Military Ties? // Center for Strategic and International Studies. 2022. URL: <https://chinapower.csis.org/china-russia-military-cooperation-arms-sales-exercises/> (дата обращения: 01.04.2024).
21. Allen, K., Saunders, P. C., & Chen, J. Chinese military diplomacy, 2003–2016: Trends and implications // Center for the Study of Chinese Military Affairs. Institute for National Strategic Studies. National Defence University. 2017. 96 p.
22. China-Russia joint naval exercise concludes // Xinhua. 04.05.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-05/04/c_138033777.htm (дата обращения: 01.04.2024).
23. China, Russia to hold joint naval drill in East China Sea, displaying capability amid US, Japanese provocations // Global Times. 20.12.2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1282265.shtml?id=11> (дата обращения: 01.04.2024).
24. Russian, Chinese warships kick off Joint Sea 2022 naval maneuvers // TASS. 22 Dec 2022. URL: <https://tass.com/defense/1554295> (дата обращения: 01.04.2024).
25. 中国新战舰频繁下水 一款神秘设备比俄更先进 [Новые военные корабли Китая часто спускаются на воду – их таинственное устройство является более совершенным, чем у России] // Sina. 01.07.2016. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/jssd/2016-07-01/doc-ifxtsatm1125788.shtml> (дата обращения: 01.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает сотрудничество в военно-морской сфере как важная составляющая стратегического партнёрства России и Китая. Учитывая наблюдаемый в последние годы «поворот России на Восток» (начавшийся ещё с «разворота над Атлантикой» в марте 1999 г. и «Мюнхенской речи» 2007 г.) и всё более расширяющееся сотрудничество с КНР, актуальность выбранной автором темы для исследования трудно переоценить. К сожалению, автор полностью проигнорировал свою обязанность должным образом отрефлексировать и аргументировать теоретико-методологическую базу собственного исследования, что не могло не сказаться на качестве полученных результатов. Так, несмотря на обилие привлечённого для анализа

фактического материала, некоторые из выводов автора имеют скорее оценочно-публицистический, чем научно-аналитический характер (об этом ниже). Тем не менее, из контекста можно понять, что в процессе исследования применялись следующие научные методы: институциональный (при изучении конкретных институциональных форм сотрудничества РФ и КНР в военно-морской области), исторический (при анализе того, как изменялись институты, регулирующие это сотрудничество), а также некоторые элементы концептуального и дискурс-анализа документов официальных заявлений политиков, публикаций в СМИ и т. д. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленной специфике российско-китайского стратегического партнёрства, обусловленной изменениями в мировой политике (но при этом автор, почему-то, очень стремится доказать «ненаправленный характер» этого партнёрства!) Определённый интерес представляет также заключение автора о том, что проводимые РФ и КНР совместные военно-морские учения не регламентируются специальными документами, имея в качестве институциональной рамки соглашения о российско-китайском стратегическом партнёрстве. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. А вот стиль статьи оставляет противоречивые чувства. С одной стороны, стиль научный, основанный на анализе обширного количества фактов, но с другой стороны недостаток проработки теоретико-методологической базы имеет следствием выход автора за рамки научности в публицистику в некоторых выводах. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, весьма странным стилистическим решением представляется двусмысленное выражение «до начала идеологических различий СССР»; или повторение слов, например, «После возобновления сотрудничества с Китаем в новых условиях военно-морское сотрудничество с Китаем...»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения вроде «Москва и Пекин развиваются общий военный потенциал... для... сдерживания негативные тенденции в международной системе...»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В общем, используемый в работе концептуальный аппарат достаточно продуман и корректен. Особенно порадовали кавычки, в которые автор заключил популярную нынче, но начисто лишённую научного смысла метафору «коллективный Запад», правда, зачем-то написав слово «коллективный» с заглавной буквы. Тем не менее, некоторые терминологические изъяны имеют место. Так, не совсем понятен термин «страны с различными социально-экономическими системами» применительно к России и Китаю. Несмотря на то, что в официальных документах и риторике официальных лиц Россия является капиталистической страной, а Китай «строит социализм с китайской спецификой», вклад госсектора в национальный ВВП вполне сопоставим и весьма высок на фоне других развитых стран (порядка 30 %). При этом плотность госсектора по отношению к населению в России даже выше, чем в Китае. А с 2022-го года госсектор в России только рос. Социальная сфера в России развита гораздо лучше, чем в Китае, что также не делает её экономику «более капиталистической», чем экономика КНР. Похожим образом обстоит дело и в прочих аспектах – инвестициях, движении капитала, регулировании экономики и т. д. Так что слова о различных «социально-экономических системах» в России и Китае, как минимум, требуют множества уточнений и оговорок. Не украшают научно-аналитический стиль и не очень обоснованные оценки автора вроде «атмосфера подлинного доверия и взаимопонимания» (между Китаем и Россией), «настоящее стратегическое партнерство, не направленное против какой-либо третьей стороны» (а как же США, ЕС, НАТО? сам автор ниже говорит о том, что одним из

аспектов стратегического партнёрства РФ и КНР является согласование политики в отношении создаваемых США «антикитайских альянсов», «санкционных войн» и т. д.; тут уж либо признавать, что партнёрство РФ и КНР во многом обусловлено противостоянием со странами Запада, либо... не поднимать эту тему вообще) и др. Причём, автор зачем-то проводит эту мысль красной нитью через всю статью. Даже в заключительной части встречается предложение, в котором нарушена элементарная логика: «Москва и Пекин развиваются общий военный потенциал не против определенной третьей стороны, а для политического и стратегического сдерживания негативных тенденций в международной системе, которые могут возникнуть из-за недвусмысленной антироссийской/антикитайской позиции Соединенных Штатов». Так этот «потенциал» развивается сам по себе или же «в ответ на...»? Для того, чтобы придать логику подобным странным с точки зрения теории международных отношений выводам, автор и пускается в оценочную риторику вроде «демонстрации собственной уверенности», «демонстрации своего несогласия», «перед лицом» и проч. публицистических выражений, лишь затуманивающих существо дела. К слову, с точки зрения психологии, потребность в «демонстрации собственной уверенности» имеют, как правило, крайне неуверенные в себе субъекты, что весьма двусмысленно характеризует уровень «сверхдержавности» России и Китая. А ведь можно было просто не злоупотреблять публицистикой, чтобы не дойти до столь парадоксальных выводов! В целом, эти и подобные им умозаключения об «атмосфере подлинного доверия» или «демонстрации собственной уверенности», как минимум, требуют ссылок на имеющиеся исследования, подтверждающие эти оценки, либо развернутую аргументацию, подтверждающую их достоверность, и не могут иметь аксиоматического характера. Библиография насчитывает 25 наименований, в том числе источники на нескольких иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу недостаточной проработки теоретико-методологической базы.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её стилистические недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны политологам, социологам, специалистам в области морского права, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Международные отношения». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.